

DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-48-63
УДК 811.581'37:165

Научная статья / Research article

О когнитивно-семантическом подходе в изучении китайского языка

Т.В. Демидова¹, Т.М. Соловьева², С.А. Баров³

^{1,2} Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Российская Федерация, 117198

³ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Ленинградский проспект, 49, Москва, Российская Федерация, 125993

³ SABarov@fa.ru

В статье делается попытка осмыслить когнитивно-семантический подход к китайскому языку в рамках его преподавания и изучения в высшей школе с учетом контрастивных по отношению к русскому языку особенностей. Основные теоретические постулаты китайского языкознания были сформулированы в трудах отечественных китаеведов в русле формально-структурных парадигм, основанных на материалах западных языков и их уровневой организации. Данный подход отражен в большинстве учебников по китайскому языку, в связи с чем китайский язык зачастую преподается по лекалам методики преподавания западных языков, что не позволяет овладеть им в полной мере, так как изначально не учитывается семантическая и когнитивная несоразмерность основных языковых единиц русского и китайского языков. Базовой единицей русского языка является слово как его номинативная и в то же время основная речевая единица. В китайском же языке, по нашим наблюдениям и анализу соответствующей литературы, эта роль принадлежит в основном более дробной содержательной единице, которая в слове, в номинации выступает как основная единица языкового членения мира, а в речи может выступать и как простое слово и как часть более сложного образования — слова или словосочетания. На письме эта единица представлена в виде иероглифа, обозначая образно или иным способом определенные предметы реальности и концептуализируя их, что позволяет нам рассматривать иероглифы в качестве выразителей минимальных концептов китайского языкового мышления. В статье впервые в отечественном языкознании затрагиваются вопросы отражения в процессе преподавания концептуальных особенностей китайского языка. На современном этапе практически нет учебников и методик, нацеленных на освоение специфических китайских языковых единиц. Авторы делают попытку привлечь внимание китаистов к этой проблеме и пересмотреть сложившиеся воззрения в новом когнитивно-семантическом ключе, в связи с чем обосновывается необходимость переориентации преподавания, воспроизводящего методические и лингвистические установки, применяемые по отношению к изучению индоевропейских языков, на методические установки, соответствующие сущностным характеристикам китайского языка как последовательно изолированного по типу и специфически восточного по ментально-культурным основаниям. Авторы маркируют соответствующие вопросы данной проблематики и предлагают некоторые пути к их разрешению.

Ключевые слова: когнитивно-семантический подход, основные единицы языка, языковое сознание, преподавание китайского языка

© Демидова Т.В., Соловьева Т.М., Баров С.А., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Дата поступления: 01.09.2019

Дата приема в печать: 15.12.2019

Для цитирования:

Демидова Т.В., Соловьева Т.М., Баров С.А. О когнитивно-семантическом подходе в изучении китайского языка // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. no 1. С. 48—63. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-48-63

UDK 811.581'37:165

On the Cognitive-Semantic Approach to the Study of Modern Chinese Language

Tatyana V. Demidova¹, Tatyana M. Soloveva², Sergey A. Barov³

^{1,2}Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya street, Moscow, 117198, Russian Federation

³Financial University
Leningradskiy prospekt, 49, Moscow, Russia, 125993

³SABarov@fa.ru

The article makes an attempt to comprehend the cognitive-semantic approach to the Chinese language in the framework of its teaching and study in higher education, taking into account features contrasting to the Russian language. The main theoretical postulates of the Chinese language-study were formulated by the Russian sinologists in line with formal structural paradigms based on materials of Western languages and their level of language organization. This approach is reflected in most Chinese language textbooks. In this regard, the Chinese language is taught according to the patterns of teaching Western languages. This approach does not allow to fully master the language, as it does not take into account the semantic and cognitive disproportion of the basic units of languages. The basic unit of the Russian language is the word as its nominative and at the same time the main speech unit. In the Chinese language, according to our observations and analysis of the relevant literature, this role belongs mainly to a more fractional substantive unit, which in the dictionary, in the nomination, acts as the main unit of the language division of the world, and in speech can also act as a simple word and as part of more complex formation — words or phrases. In writing, this unit is presented in the form of a «zi» hieroglyph, figuratively or otherwise denoting certain objects of reality and conceptualizing them, which allows us to consider these «zi» as expressors of minimal concepts of Chinese linguistic thinking. For the first time in Russian linguistics, the article addresses issues related to these basic units in connection with teaching issues. At the present stage, there are practically no textbooks or techniques aimed at mastering these specific Chinese language units. The authors make an attempt to attract the attention of sinologists to this problem and to reconsider the existing views in a new cognitive-semantic vein. In this context, the necessity of reorienting teaching that reproduces the methodological and linguistic orientations applied in relation to the study of Indo-European languages to methodological orientations corresponding to the essential characteristics of the Chinese language as consistently isolated in type and specifically orientational in terms of mental and cultural grounds is substantiated. In this regard, there marked relevant issues are there proposed some ways to resolve them.

Key words: teaching of the Chinese language, cognitive-semantic approach, basic units of language, linguistic consciousness

Article history:

Received: 01.09.2019

Accepted: 15.12.2019

For citation:

Demidova, T.V., Soloveva, T.M. & Barov, S.A. (2020). On the Cognitive-semantic Approach to the Study of Modern Chinese Language. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(1), 48—63. doi: 10.22363/2313-2299-2020-11-1-48-63

Ибо общим правилом является: всюду,
где упорядочены начала (*principia*),
также все производные (*derivata*)
следуют правильному порядку.

Г. Лейбниц

Введение

Побудительным мотивом данного исследования для авторов стало чувство неудовлетворенности в результатах обучения китайскому языку в аспектах, связанных с пониманием и продуцированием обучающимися речевых актов при «живом общении» на китайском языке, как и по причине отсутствия методик, позволяющих хотя бы в отдаленном приближении научить студентов мыслить на китайском и транслировать мысли в те языковые единицы, которые релевантны языковому сознанию китайцев и не воспринимались бы последними как чуждые и неуместные (хотя и могут быть понятными, например, благодаря общему контексту общения). В целом, проблематика нашей работы касается содержательной стороны китайского языка и возможности ее восприятия носителями иного языкового типа, а именно флективных языков, каким, например, является русский. В связи с тем, что методика преподавания китайского языка опирается на определенные лингвистические установки, мы также фрагментарно обратились к проблеме семантической, содержательной составляющей китайского языка, а также к проблемам речеделания (продуктивная функция речевого мышления) и понимания китайской речи (перцептивная функция сознания). Эти аспекты применительно к практике преподавания китайского языка до сих пор очень слабо изучены, оставаясь нетронутой «сокровищницей души языка» (в понимании В. Гумбольдта (см.: [1])) и представляя невероятную трудность для тех, кто пытается ее постичь, опираясь на господствующую в китаистике и преломленную в дидактике универсальную систему воззрений.

Семантический аспект китайского языка как предмет преподавания

Те методики и теории языка, которые традиционно используются в преподавании китайского языка, не позволяют разрешить указанные проблемы как не нацеленные на познавательно-семантический его компонент, как игнорирующие когнитивные особенности обучающихся, связанные с памятью, вниманием и мышлением. Они построены с опорой на неблизкую китайскому языку, его духу, слово-центристскую концепцию западного языкознания, ориентированную на формально-лингвистические теории в отрыве от содержательно-

мыслительного компонента, без учета особенностей основных единиц, аутентичных китайскому мировидению, его «языковой картине» и семантике.

Китаистика в нашей стране в XX веке и в Китае социалистического периода главным образом развивалась в русле общелингвистических теорий, основанных на западных языках, в фарватере структурно-системных воззрений, провозглашенных Ф. Соссюром [2]. Во многих основополагающих трудах, посвященных грамматике китайского языка, рассматриваются в первую очередь вопросы об его уровне строения, о его основных единицах, о его морфологии и прочих грамматических явлениях. Об этом, например, уже говорится в одном из первых советских учебников по грамматике китайского языка А.И. Иванова и Е.Д. Поливанова [3]. Вопросам грамматической природы слова на более высоком теоретическом уровне посвящены труды Н.Н. Короткова [4]. Наибольший вклад в теоретическое осмысление китайского языка с точки зрения его типологических особенностей внесли В.М. Солнцев и Н.В. Солнцева [5; 6; 7].

Все указанные выше авторы, подвизавшиеся на ниве общетеоретического языкознания, тем не менее, признают специфические особенности китайского языка, проявляющиеся и в его структурных свойствах. Так, например, Е.Д. Поливанов отмечал: «Строго говоря, точного соответствия нашим единицам языкового мышления (звуко-представлению — фонеме, слову, предложению) в современном китайском языке не существует» [3. С. 3].

В.М. Солнцев отмечает, что китайский язык принадлежит к типичным изолирующим языкам, которые во многом отличны от языка русского, принадлежащего к неизолирующему, флективному типу. Уже в рамках этой классификации очевидно существенное различие языков: «...сопоставление единиц изолирующих языков и их иерархических отношений со свойствами единиц неизолирующих языков... обнаруживает существенные различия общесистемного характера» [5. С. 15]. Таким образом, те ученые, которые рассматривали язык с точки зрения общесистемных свойств языков вообще, отмечали особенности, затрагивающие его форму, безотносительно к смысловыражению. Что касается основной единицы языка, то они в основном придерживались концепции слова как основной единицы языка и его строя.

В то же время в советской китаистике существовали и до сих пор трудятся такие ученые, которые предметом своих изысканий брали именно специфические свойства языка. Так, А.М. Карапетьянц говорит о китайском слове, подчеркивая его односложный характер, и критически переосмысляет труды вышеуказанных авторов. В то же время в силу традиции он также не избегает понятие слова, подчеркивая его специфику и обозначая его то как слогознак, то как слогоморфема, то просто как односложное слово. Именно последнее он признает на основе формального, фонетического признака — ударения — основной структурной единицей: «основной единицей в китайском языке выступает слогознак, с фонетической точки зрения квалифицируемый как словослог, а с графической — как слогознак» [8. С. 9]. Отметим, что в нашем дальнейшем повествовании мы будем для простоты изложения, а также содержательной емкости этого китайского знака, который по-китайски звучит как «цзы», использовать именно этот термин в его русской транскрипции. Отметим также, что в

трудах А.М. Карапетьянца, не направленных непосредственно на анализ системы китайского языка, а посвященных китайской текстологии, источниковедению и истории философии, последовательно за единицу анализа берется именно китайский «цзы» во всех его ипостасях [8; 9].

Работы Тань Аошуан также нацелены на раскрытие специфических свойств китайского языка в целом в альтернативном традиционным воззрениям модусе (см.: [10]), где вообще отвергается идея рассмотрения языка с точки зрения его уровневого строения и предлагается иная, речевая модель китайского языка. Этот же автор впервые в нашей стране поставил вопросы о языковой картине мира китайцев (см.: [11]), вплотную подошел к вопросам о специфическом мировидении и отражении его в значениях китайских слов. В этой монографии автор, ссылаясь на А. Вежбицкую (см.: [12]), говорит об этноцентричности языкового значения. Мы также опираемся в своем анализе на указанного автора как яркого ученого, посвятившего свои работы семантическим исследованиям.

«Семантика есть наука о понимании», «...овладение языком есть прежде всего постижение значения» [13. С. 30, 37], — эти идеи, высказанные А. Вежбицкой, легли в основу нашего анализа. Считаем, что развиваемые в последние десятилетия теории в рамках когнитивно-семантического подхода к языку можно найти некоторые алгоритмы в преодолении указанных выше проблем. Наша задача состоит в том, чтобы определить пути и выходы из существующего положения дел. Для этого необходимо сделать конкретные шаги в поиске языкового материала и сформулировать основные критерии определения и отбора релевантных семантических единиц.

Фактически мы анализируем китайский язык в преломлении к аудиторным целям преподавания с опорой на соответствующие языковые теории. Полагаем, что это поможет в преодолении многих проблем в изучении, связанных с «осмысленным» использованием языка в речевой деятельности, которая на данном этапе в основном совершается в имитационном формате, так как у обучающихся не формируются собственно семантические представления о китайском языке. С тем, «чтобы мысли были вербализованы говорящим, сначала они должны быть структурированы в соответствии с уникальной семантикой данного языка» [14. С. 66] — мы в этой цитате У. Чейфа специально выделяем слово «уникальной», так как семантика китайского языка действительно уникальна, но при этом ее изучению зачастую нет места в методике преподавания. Нейролингвист Т. Черниговская, говоря об обучении вообще, подчеркивает, что, «обучаясь чему бы то ни было, человек учится понимать и интерпретировать, а не просто наполняет память фактами» [15].

Осмысленному изучению основных содержательных единиц китайского языка не уделяется специального внимания, да и у преподавателя в большинстве случаев отсутствует соответствующий лингвистический и дидактический материал, направленный на формирование у обучающихся когнитивно-семантических навыков (см.: [16]).

Обучение речевой деятельности (в широком смысле этого слова, сюда входит и говорение, и чтение, и перевод, и аудирование и пр.) совершается только в рамках тех тем и материалов, и, главным образом, тех понятийных, словесных

единиц, которые заданы современной общественной тематикой глобально-интернационального характера, и которые овеществлены в словах русского и западных языков по их моделям, и которые (темы и единицы) заданы программными установками преподавания, ориентированного на современный мир.

Языковые единицы, фиксирующие эти понятия, означены в китайском языке с помощью производных (деривативных) сложных наречений, фактически являясь речевыми словосочетаниями и только опосредовано соотносясь с первообразными, базовыми, аутентичными национальному языковому сознанию китайцев единицами. Эти дериваты подлежат заучиванию, «зубрежке» по правилам и форматам русского языкового мышления лишь в иных «упаковках», с иными «ярлыками». Любой, даже незначительный отход от этих общих тем и принадлежащих им номинаций приводит к неспособности выразить собственную мысль или понять речь носителя. Последняя в реальном воплощении оказывается далеко за рамками тех единиц, принципов и правил, коими вынужден руководствоваться обучающийся. Таким образом, фактически китайский язык изучается в моделях русской семантики или в лучшем случае по принципам универсальной семантики языка вообще, без учета уникальности китайского языка в этом аспекте.

«Закованность» китайских производных образований (речь идет в первую очередь о сложных номинациях) в русскую концепто-сферу мешает обучающему творчески выражать свои соображения и взгляды и строить речь «легко» и без особого напряжения умственных способностей. Общепринятая практика преподавания китайского языка (и в России, и в Китае для иностранцев) не обеспечивает нас необходимым инвентарем, тем материалом и той методикой, которая позволяла бы осваивать соответствующие механизмы языка. Такая ситуация в основном сложилась из-за приверженности авторов базовых учебников по китайскому языку лингвистической теории, которая в китаистике стала господствующей в XX веке как стремящаяся унифицировать китайский язык и рассмотреть его в парадигме системоцентричности и словоцентричности подобно индоевропейским языкам.

Существующая методология изучения китайского языка рассматривает последний (формулируем в упрощенном виде) как строгую логическую модель, поддающуюся изучению с помощью грамматических правил оперирования словами с опорой на рациональные критерии (см.: [17]). Таковая имеет определенные положительные стороны, но она упрощает и снимает с языка все то, что не поддается строгой рационализации и фактически не оставляет пространства для целенаправленного изучения его номинативно-познавательной функции, из-за чего субъекту-носителю, например, русского языка бывает трудно освоить «иноанимистичный» китайский язык.

Теоретические основания подхода к проблеме

Главные общие идеи, на которые мы опираемся, пытаемся разобраться в сути проблемы, были сформулированы еще В. Гумбольдтом, который, в частности, говоря о языке, писал: «Отделяя характер языков от их внешней формы, без которой невозможно представить себе язык, и противопоставляя характер форме,

мы обнаруживаем, что первый заключается в способе соединения мысли со звуками. Взятый в этом смысле, он подобен духу, который вселяется в язык и одушевляет его, как из него же, духа, сотканное тело. Характер — естественное следствие непрекращающегося воздействия, которое оказывает на язык духовное своеобразие нации» [1. С. 167]. В. Гумбольдт одним из первых поставил вопрос о духовной сущности языка и предвосхитил все те идеи о ментально-психическом и национальном колорите языка в его неразрывной связи с человеком, что нашли отражение в современном языкознании в его устремленности к антропоцентризму и отходу от системоцентризма. Данные две тенденции подробно рассмотрены В. Алпатовым в его статье «Два подхода к изучению языка» (см.: [18]).

В нашу задачу не входит (и мы не считаем себя компетентными) непосредственно проводить анализ философско-лингвистической и психолингвистической проблематики, онтологических принципов и закономерностей между языком, мышлением и действительностью. Тем не менее, мы вынуждены касаться этих вопросов, как затрагивающих, в том числе и практическую сторону жизни, а в нашем случае таковой является практика изучения китайского языка. Считаем, что она должна быть построена так, чтобы в искусственных условиях, в аудитории мы могли достигать эффекта языковой среды, в которой на интуитивном, подсознательном уровне осваивается языковая «картина мира» и формируется языковая компетенция «носителей языка».

Исходя из этой «программы-максимум», мы обратились к работам тех теоретиков языка, которые представляются созвучными нашей теме и отвечающими нашим запросам. На их идеи мы опираемся в своих изысканиях и анализе. Например, учение уже упомянутого В. Гумбольдта о духе языка и о его деятельности характере, позволило нам осознать знак-иероглиф 字 («цзы») как некоторый основной носитель духа, ментальности китайской нации, как выражение специфического способа «соединения мысли со звуками», а точнее мысли с графическим образом, коим является иероглиф. Мы также опираемся на работы А. Потемни с его взглядами на внутреннюю форму слова: «Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию» [19. С. 98].

Отметим, что если для осознания внутренней формы слова русского языка необходимо произвести его историческую реконструкцию, и часто она бывает не очевидна (по крайней мере не всегда очевидна) для рядовых носителей русского языка, то для рядовых носителей китайского языка (естественно, получивших хотя бы школьное образование) она открыта, явлена неизменяющейся образно-понятийной материей — знаком «цзы», иероглифом.

Важные для нашего анализа идеи почерпнуты также из работ современных лингвистов. Работы Е. Кубряковой (см.: [20]), связанные с когнитивным подходом к изучению языка и с номинативным аспектом речевой деятельности, помогли нам увидеть в «цзы» номинативную единицу, участвующую параллельно с процессом семиозиса в классификации окружающего мира, его категоризации. Теория семантических универсалий и базисных концептов А. Вежбицкой побудила нас поставить вопрос о базовых концептах китайского языка в рамках именно его лексико-семантической системы. В поисках подхода к теме в ее психолингвистическом аспекте мы обратились к трудам Т. Черниговской, в ко-

торых обобщен опыт нейрофизиологов, психологов, психолингвистов и когнитологов по вопросам языка и сознания, в том числе и в связи с проблемами номинации, памяти, знаковых систем, ментального лексикона и организации такового в мозге человека.

Из работ перечисленных авторов, а также и из других связанных с темой источников мы для себя формулируем следующие умозаключения общего порядка. Между языком, действительностью и мышлением существует взаимосвязанная, интерактивная связь: мы познаем и «видим» мир через призму языковых явлений и категорий, и в то же время последние при их формировании в нашем сознании обусловлены миром и нашим практическим взаимодействием с ним. Во всем этом, естественно, ведущую роль играют нейрофизиологические механизмы. В результате такого взаимодействия в мозгу людей формируются определенные нейронные связи, часть из которых коррелирует с языковым семантическим пространством, конституируя различные языковые концепты (образы, представления) и связи между ними. Эти концепты и их связи формируют так называемую «картину мира» определенного этноса, нации. Концепты, как и мышление, не обязательно существуют в языковых формах, но для нашего исследования важны именно те, что получили отражение в языковых формах и соответственно могут быть названы «языковыми».

Языковые концепты (слово и «цзы») и «членение мира» в русском и китайском языковом сознании

Под языковыми концептами понимаем, прежде всего, значения значимых единиц языка, привязанных к определенному языковому носителю и наделенных вещественным значением независимо от их уровневой принадлежности и (это могут быть и морфемы, и слова, и словосочетания) и соответственно степени выраженности их значения: конкретности — абстрактности и четкости — расплывчатости (обычно значения корневых морфем представляется именно нечеткими). Носителями таковых концептов в индоевропейских языках, и в русском в том числе, являются слова и словосочетания как номинативные единицы языка, в китайском же это письменный знак-иероглиф, «цзы», фонетически представленный однослогом, а также его различные сочетания. Если эти единицы рассматривать в терминах языковой иерархии, то получается, что в русском языке собственно номинативное значение, а значит и концептуальное членение действительности, начинается только с уровня «слова» и выше.

Значение, присущее более низкому уровню (морфемному), носителю русского языка не представляется семантически определенным и ясным, категоризация мира происходит именно с помощью получивших форму знаковых единиц, каковыми и являются слова. Подчеркнем еще раз, что членение мира в западных языках — это, в первую очередь, ословление (от «слово») его объектов в широком смысле этого понятия. В китайском же языке номинирование произошло в глубокой древности с помощью тогда существовавших односложных единиц, которые условно можно называть «словами» (древними понятийно-лексическими единицами). Однако их главная особенность заключается в закреплённости за каждым таким «словом» знака, иероглифа — «цзы», который

сам по себе своим визуальным образом «рисовал» действительность, выбирая для этих рисунков в соответствии с практическим и духовным мировидением древних людей релевантные признаки и черты действительности (см.: [21]). Собственно культурно-историческое и духовно-философское наполнение этих знаков мы не комментируем, как энциклопедическое, «сверхязыковое» знание. В нашем контексте важным является сам факт того, что слова ли, ни слова ли, но иероглифы («цзы») — это те минимальные содержательные единицы, которые, возникнув в древности как образы или концепты мира и не изменив фактически своего внешнего облика, дошли до наших дней и продолжают нести ту семантическую информацию, которая была заложена китайцами в древности при первичном лексико-номинационном членении мира. При этом многие из них и семантически не претерпели никаких изменений, а многие в силу причин общечеловеческого развития стали переосмысляться и наполняться новым содержанием, но при этом не теряя связи со своими этимонами (см. ниже примеры этимологии собственно иероглифа — «цзы»).

Итак, основной, базовой и в то же время простой и минимальной с точки зрения ее материального воплощения (однослог и одна картинка-иероглиф) содержательной единицей китайского языка, а значит и языкового сознания, является «цзы», то есть иероглиф. Он по уровневой принадлежности в сравнении со словом стоит не ниже последнего, а, скорее, глубже его и тем самым не может быть рассмотрен как изоморфная европейскому слову единица. Если попытаться точнее выразить эту мысль, то, собственно, «цзы» как бы и не встраивается в лингвистическую иерархию, а стоит вне ее и в то же время по мере необходимости включается в языковое пространство на правах семантического компактного носителя. Это, если хотите, и «предслово», и собственно слово. Мы считаем абсолютно непродуктивным с точки зрения преподавания языка углубляться в теорию уровневой принадлежности — слово ли это или морфема, словосочетание или сложное слово. Это не те понятия, которые, как показала практика, эффективны с точки зрения овладения механизмом языка. Важно понять асимметрию между русским словом (для русскоговорящих изучающих) и китайским «цзы» в их формальном воплощении и в то же время их общее назначение — быть наименованиями окружающего мира и членить его в соответствии с особенностями языкового сознания каждого этноса. Для постижения китайского языка главнейшими являются знания о его семантике, а не о его форме (см.: [22]).

Присущее «цзы» значение мы называем концептом (в данном случае мы отвлекаемся от разнородности этих концептов, многие из которых скорее соответствуют не понятию, а образу-представлению), то есть мы как бы выносим его за пределы собственно лингвистического формата в мыслительный по преимуществу. Рассматриваем «цзы»-концепты как собственно «идеальные сущности», имеющие носителя-картинку и не обремененные никакими языковыми категориями, то есть «сущности» вне грамматики, точнее вне морфологии и, естественно, синтаксиса, лишь сопряженные с определенным звучанием — тонированным однослогом (последние бывают вариативны в зависимости от диалекта китайского языка). Позволяем себе такой подход в связи с тем, что вне сферы употребления, вне речи «цзы» существует довольно-таки самодостаточно, как

носитель семантической информации разного характера: то как индексальный знак (上 (шан) — верх, 下 (ся) — низ), то как картинка-иконка (鸟 (няо) — птица, 马 (ма) — лошадь, 木 (му) — дерево, 爪 (чжао) — когти), то как визуально-кинематографический образ или даже целая ситуация (撬 (цяо) — вскрыть, взломать (напр. дверь); снять, поднять; выдернуть (гвоздь); повернуть (рукоятку); пробить, вообще, совершить действие с помощью какого-нибудь рычага: палки, ножа и пр.; 端 (дуань) — держать строго горизонтально, например, пиалу; 挑 (тяо) — нести на коромысле), то как, например, важнейшая нравственная категория конфуцианства (仁 (жэнь) — гуманность, человеколюбие) или же общеизвестное 道 (дао) — путь, истина.

Сам факт того, что иероглифика была заимствована другими по строю и типологии языками (японским, корейским и пр.) и функционировала для репрезентации значений в их словах и то, что ее используют как символы в современных информационных средствах, говорит об ее информационном и смысловыразительном потенциале, как и о ее независимом от речи существовании (см.: [23]). Иероглифы — это единицы, принадлежащие ментальному лексикону, то есть нашему сознанию (в данном случае сознанию носителей китайского языка), и потому они могут с известной долей условности, несколько понижая пафос данного термина — модальности, называться концептами. Они могут обозначать практически все, и абстрактные идеи, и даже целые философско-религиозные воззрения (义 (и) — долг, справедливость), и первоэлементы стихии, бытия (水 (шуй) — вода; 火 (хо) — огонь; 金 (цин) — металл; 土 (ту) — земля; 木 (му) — дерево), и концепты действия (砍 (кань) — рубить), состояния (睡 (шуй) — спать), и даже концепты, представляющие предельно конкретные сущности (睫 (це) — ресница, 螺 (ло) — брюхоногий моллюск, улитка), и многое другое.

Терминологически точнее было бы эти концепты, которые репрезентированы однословами, называть «первичными концептами», так как на их базе создается бесчисленное множество более сложных, новых наименований, номинаций-концептов универсального общечеловеческого характера (оговоримся, что среди сложных образований есть и такие, которые несут и специфически этническую информацию). Вот ряд примеров: 孝 (сяо) — почитание + 敬 (цин) — уважение = 孝敬 (сяоцин) — сыновья почитательность; 国 (го) — страна, царство + 家 (ця) — семья = 国家 (гоця) — государство, 中 (чжун)- середина + 国 (го) — страна = 中国 (чжунго) — Китай; 战 (чжань) — война, воевать + 争 (чжэн) — борьба, бороться = 战争 (чжаньчжэн) — война; 照 (чжао) — освещать + 相 (сян) — вид = 照相 (чжаосян) — фотографировать, а если к этим двум иероглифам прибавить «цзы»-концепт 机 (ци) — механизм, то получится 照相机 (чжаосянци) — фотоаппарат и т.п. Эти «концепто-сочетания» в привычном лингвистическом употреблении называются значениями слов/словосочетаний. В нашей терминологии, возможно, их было бы точнее назвать «вторичными концептами», точнее, производными, по их семантическому происхождению, но в плоскости мыслительной, эпистемологической, общественной и прочих они привычно называются собственно «концептами». Предпочитаем этот термин еще и за его благозвучие и

емкость его идеи в отличие от термина «значение», который, помимо прочего, очень привязан к понятию слова, а нам в дидактических целях эти два термина необходимо развести.

Концепты существуют в нашем сознании и как языковые сущности, и вне таковых, а в сознании китайцев концепты привязаны к отдельным иероглифам как выразителям простейших, первичных по происхождению, в филогенезе, понятий, образов, денотатов. Простыми эти концепты являются по форме их выражения, один цельный «рисунок»-знак и звук-слог. По содержанию они порой весьма многообразны и многозначны и только в речи конкретизируются, функционируя как слова, либо в составе сложных образований, где в зависимости от потребностей выражения смысла объективируется и конкретизируется одно из значений целого концепта, материально же он не меняется, продолжая существовать на письме как иероглиф, а в звучании как один и тот же слог. Это-то и есть одно из существенных и важнейших отличий концепта «цзы», означенного в такую монолитную, гештальтную форму, от значений слов русского языка, выраженных определенным количеством звукобуквенных символов и несущих в себе помимо вещественно-смысловой информацию и категориально-грамматического характера, и в зависимости от последней меняющих свой звуковой облик (различные флексии, окончания и прочее).

Попутно отметим и еще одно отличие: если в китайском языке сложные номинации — два слога (два иероглифа) — это статистически доминирующая сущность речевого использования языка, то в русском слова типа «мореплавание», «паровоз» и пр. далеко не представляют собой доминанты нашего сознания и не находятся в топе списка частотности слов. Приведем еще некоторые примеры: 大 (да) означает большой, 会 (хуэй) — встречу, собрание, используя в паре, они несут новое более конкретное значение — 大会(дахуэй) — съезд (большое собрание); 打 (да) — ударять, 破 (по) — ломать, — 打破 (дапо) — разбить, сломать; 找事 (чжао ши) — каждое порознь означает «искать» + дело — в его прямом значении так и осознается как поиск работы, дела, а в переносном, метафорическом — как «искать» проблемы, осложнения, идти на обострение и т.д.

«Цзы»-однослоги, если их рассматривать в терминах западного языкознания (а это необходимо для выбора общего эталона, масштабирования языковых единиц, создания, правда, с серьезными оговорками, общей терминологической платформы в двух сравниваемых языках), функционируют в китайском языке как простые слова, либо особой характеристики корне-морфемы, корне-слова или в составе сложных производных слов или словосочетаний. Эти так называемые языковые свойства «цзы», на наш взгляд, являются второстепенными, лишь следствием их особой концептуальной природы. Сама по себе этимология латинского слова «концепт» и китайского иероглифа «цзы» говорит в пользу выбора данного термина. По-латински концепт (concept) происходит от идеи «зачатия», «зародыша», а концепция — от «резервуара», «хранилища» (см.: [24]), в то время как составные части иероглифа «цзы» (字) примерно то же и означают — идею младенца, ребенка, сына и крыши, под которой этот ребенок рождается.

Общим семантически-языковым свойством указанных единиц в двух языках является, с одной стороны, их номинативная функция, как функция нарече-

ния реалий окружающего мира (заметим, что в древности этот концепт также означал и имя, наименование в отношении повзрослевших детей). В то же время, с другой стороны, рассмотренные как концепты, они участвуют в категоризации окружающей действительности, то есть представляют собой инструменты познания, когнитивной деятельности людей, в том числе формируя так называемое особое мировидение, особую «языковую картину» (см.: [25]).

Фактически вся языковая «картина мира» китайцев запечатлена (наряду с другими когнитивными инструментами) в огромном, но при этом исчислимом, множестве иероглифов-картинок, представляя собой нечто подобное человеческому концептуально-семантическому алфавиту. Сошлемся здесь на А. Вежбицкую, которая цитирует идею Г. Лейбница о создании «алфавита человеческих мыслей» (см.: [13. С. 32]). Правда, у А. Вежбицкой речь идет о формировании ограниченного минимального числа семантических примитивов, на основе которых может быть описан весь человеческий язык. Применительно к иероглифам, количество которых — десятки тысяч, мы берем сам принцип поиска из всего множества наиболее эффективных и продуктивных в языке, которые как раз-таки и функционируют как ограниченный, хотя и в большом количестве, семантический алфавит.

Это семантически-концептуально-иероглифически выраженное множество знаков (наиболее употребительных около 3–5 тысяч), но оно исчислимо в отличие от тех производных на их базе концептов, которые не могут быть представлены закрытым списком. Следует сделать оговорку, что мы рассматриваем синхронный срез языка, его современный статус. Однослоги («цзы») — это те иероглифы, которые возникли в древности и претерпели определенное семантическое изменение, но по сути своей сохранили свою внутреннюю форму и связь с этимологией. Однако они активно используются в современном языке в разных его дискурсах и стилях и по-прежнему очень активны в общественно-политическом дискурсе. Эти знаки обычно изучаются только в рамках древнего китайского языка *вэньянь*, в системе тех грамматических норм и правил и тех концептов и их ценностей, которые релевантны той исторической эпохе и являются предметом изучения соответствующих специальностей. В то же время современный подход к обучению китайскому языку в неязыковых вузах исключает из предмета преподавания «цзы» древнего языка как устаревшие слова-однослоги. И действительно, именно в *вэньяне* таковые и представляли простые (по составу) слова-однослоги, в силу его моносиллабического, аморфного характера, где доминирующей формой слова был моносиллаб. В современном же языке доминирующим считается двуслог или бином (см.: [26]).

Однако эта доминанта привязана к количественной оценке языка, а не к качественной. Двусложных образований в современном китайском языке значительно больше, чем односложных, но это не говорит о том, что они утратили семантическую связь с последними и стали десемантизированными, формальными единицами. В этом и заключается весь парадокс или противоречие современного подхода к изучению китайского языка и выработке методики его преподавания. Семантический, образный характер китайского языка зачастую игнорируется при изучении, а если и фиксируется, то лишь отчасти. Психологическая реальность

«цзы» как базового концептуального ресурса выведена на периферию, тогда как должна, будучи системообразующей величиной, быть в центре.

Отсюда «перекидываем мостик» в дидактику. Принятая в современных учебниках концепция игнорирования «цзы»-концептов и построенная по словоцентричному подходу методика преподавания китайского языка поставила логику преподавания «с ног на голову»: ее главный принцип от простого к сложному перевернут в противоположном направлении. Современная дидактика изучения китайского языка построена так, что о простых концептах, об элементах этого семантического «алфавита» узнают не целенаправленно, не в качестве отдельного предмета преподавания, предвещающего освоение более сложных семантических единиц, а «мимоходом». С простыми, односложными, первичными концептами либо вообще не знакомят, либо знакомят постфактум. Сущностное, базовое знание об элементарных когнитивных единицах приобретает как побочный продукт изучения вторичных по происхождению единиц, да и то в рамках «мировидения русского языка», а потому и с некоторыми искажениями их этнических параметров (см. подробнее: [24]).

Следует добавить, что такое непоследовательное изучение китайского языка («от сложного к простому») противоречит психологическим основам процесса обучения, механизмам функционирования человеческой памяти. Последней приходится делать пустую и малопродуктивную работу по запоминанию «сложного» без учета знания «простых» составляющих. Подтверждение этой мысли находим у известных Китаистов А.М. Карапетянца и Тань Аошун: «в байхуа знание значений иероглифов позволяет в большинстве случаев реконструировать значение их сочетания (которое заучивается специально и нередко совершенно напрасно)» [27. С. 14]. Реальность преподавания китайского языка на данный момент представляется далекой от указанных проблем. Причина же такого положения дел, на наш взгляд, кроется именно в следовании той лингвистической теории, которая господствовала в XX веке и результаты которой до сих пор не пересмотрены.

Выводы

Авторами была предпринята попытка осмыслить «вестернизированный крен» в преподавании китайского языка и найти те теоретические воззрения в лингвистике, которые помогут развернуть ракурс при обучении китайскому языку в соответствии с его семантико-когнитивными особенностями, а последние определяются природой основных, базовых односложных единиц, «цзы».

Общий вывод практического характера заключается в необходимости сделать преподавание китайского языка «цзы»-центричным, то есть так перестроить его методику, чтобы у учащихся сформировалось в сознании некоторое подобие семантического алфавита и появилась возможность освоения определенных правил оперирования им.

В качестве итогового заключения еще раз обобщим основную идею исследования. Мы считаем, что во главу угла при изучении китайского языка должна быть поставлена такая парадигма знаний об этом языке, которая бы соответствовала его ментальности, языковой «картине мира», подчеркивала бы его ин-

дивидуальность и идее-этничность. Опираются исключительно на универсальные, присущие всем языкам вообще закономерности и принципы, игнорируя особенности, которые представлены в китайской семантике, представляется нам неглубоким, выхолащивающим сущность, попросту грубым подходом.

В русском и других европейских языках центральной единицей языка и соответствующего ментального лексикона является слово как единство вещественного и грамматического значений и как та единица, с помощью которой в первую очередь осуществляется членение окружающего мира. В китайском же языке таковой центральной единицей является «предслово» или «параслово», семантическая единица «цзы»-иероглиф, в которой гештальтно соединены визуальный образ, идея (концепт) и звучание в виде «пучка» звуков одного тонированного слога. Именно с помощью этой единицы осуществляется первичное членение внеязыкового пространства, формируется соответствующая концепто-сфера. Преподавание китайского языка с опорой на неосновную, непервичную единицу языкового членения мира, то есть с опорой на слово, а не на иероглиф («цзы»), нарушает естественный порядок освоения знаний от простого к сложному и не способствует формированию языковых навыков и умений, подобных тем, которыми от природы наделены его носители. Перед китаистикой стоит задача переосмысления достижений языкознания XX века в русле когнитивно-семантических изысканий и перенесения их результатов в плоскость практического освоения языка. И в этом направлении главную роль должна сыграть та концепция, которая выведет «цзы» с периферии процесса преподавания в его центр.

Библиографический список

1. Алпатов В.М. Два подхода к изучению языка // История и современность. 2016. no 1 (23). С. 198—220.
2. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянской культуры, 2011.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.
4. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
5. Демидова Т.В., Соловьева Т.М. О значимости лексических знаний и навыков в преподавании и изучении китайского языка // Материалы межвузовской научно-практической конференции, 21 апреля 2016 г.. М.: РУДН, 2016. С. 40—52.
6. Демьянков В.З. Термин концепт как элемент терминологической культуры // Язык как материя смысла. М., 2007. С. 606—622.
7. Иванов А.И., Поливанов Е.Д. Грамматика современного китайского языка. М.: Институт востоковедения, 1930.
8. Карапетьянц А.М. Раннекитайская системология. М.: Восточная литература, 2015.
9. Карапетьянц А.М. Типология основных единиц китайского языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1992.
10. Карапетьянц А.М. У истоков китайской словесности. М.: Восточная литература, 2010.
11. Карапетьянц А.М. Тань Аоцунан. Учебник классического китайского языка вэньянь. М.: Муравей, 2001.
12. Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. М.: Наука, 1968.
13. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения // Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

14. Лейбниц Г.В. Два письма Лейбница к И.Х. Шуленбургу // Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления. М.: Российская Академия Наук. Институт Философии, 2005.
15. Ошанин И.М. О частях речи в китайском языке // Труды ВИИЯ. № 3. М., 1947. С. 77—92.
16. Потёбня А.А. Мысль и язык // Слово и миф. М.: Издательство «Правда», 1989.
17. Солнцев В.М. Проблемы типологии изолирующих языков (на материале китайского и вьетнамского языков) // Языки Юго-Восточной Азии. Проблемы морфологии, фонетики и фонологии. М., 1970. С. 11—19.
18. Солнцев В.М. Язык как системно-структурное образование. М.: Наука, 1977.
19. Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Теоретическая грамматика современного китайского языка (Проблемы морфологии). М.: Институт востоковедения РАН, Военный ун-т Министерства обороны РФ, 2016.
20. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
21. Тань Аошуан. Китайская картина мира. Язык, культура, ментальность. М.: Языки славянской культуры, 2004.
22. Тань Аошуан. Проблемы скрытой грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2002.
23. Чейф У. На пути к лингвистике, основанной на мышлении // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 60—88.
24. Черниговская Т.В. Чеширская улыбка кота Шредингера: язык и сознание. М.: Языки славянской культуры, 2013.
25. Wang Y.A Survey to cognitive linguistics. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press, 2006.
26. Xiao, R., T. McEnery. Aspect in Mandarin Chinese: A corpus-based study. Studies in Language Companion Series. John Benjamins Publishing Company, 2004.
27. Yin Hui. The cognitive semantics of Chinese motion / directional verbs // Working Papers of the Linguistics Circle of the University of Victoria. 2011. Vol. 21. P. 118—125.

References

1. Alpatov, V.M. (2016). Two approaches to language learning, *History and modernity*, 1 (23), 198—220. (In Russ).
2. Vezhbitskaya, A. (2011). *Semantic universals and basic concepts*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ).
3. Vezhbitskaya, A. (1996). *Language. Culture. Knowledge*. Moscow: Russian dictionaries. (In Russ).
4. Humboldt, V. (1984). *Selected works on linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ).
5. Demidova, T.V. & Solovyova, T.M. (2016). On the importance of lexical knowledge and skills in teaching and learning Chinese In *Proceedings of the interuniversity scientific and practical conference*, April 21, 2016, Moscow: RUDN. pp. 40—52. (In Russ).
6. Demyankov, V.Z. (2007). The Term concept as an element of terminological culture In *Language as the matter of meaning*. Moscow. pp. 606—622. (In Russ).
7. Ivanov, A.I. & Polivanov, E.D. (1930). *Grammar of the modern Chinese language*. Moscow: Institute of Oriental studies. (In Russ).
8. Karapet'yants, A.M. (2015). *Early Chinese systemology*. Moscow: Eastern literature. (In Russ).
9. Karapet'yants, A.M. (1992). *The typology of the main units of the Chinese language* [dissertation]. Moscow. (In Russ).
10. Karapet'yants, A.M. (2010). *At the origins of Chinese literature*. Moscow: Eastern literature. (In Russ).
11. Karapet'yants, A.M. (2001). *Tan Aswan*. Textbook of classical Chinese wenyang. Moscow: Ant. (In Russ).
12. Korotkov, N.N. (1968). *Main features of the morphological structure of the Chinese language*. Moscow: Nauka. (In Russ).
13. Kubryakova, E.S. (2004). Language and knowledge. On the way to learning about language: parts of speech from a cognitive point of view In *The role of language in understanding the world*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ).

14. Leibniz, G.V. (2005). Two letters of Leibniz to I. H. Schulenburg In *Letters and essays on Chinese philosophy and the binary system of calculus*. Moscow: Russian Academy Of Sciences Institute Of Philosophy. (In Russ).
15. Oshanin, I.M. (1947). *On the parts of speech in Chinese language*. Vol. VIII (3). Moscow. pp. 77—92. (In Russ).
16. Potebnya, A.A. (1989). Thought and language In *A word and a myth*. Moscow: Pravda Publishing House. (In Russ).
17. Solntsev, V.M. (1970). Problems of typology of isolating languages (based on Chinese and Vietnamese) In *Languages Of Southeast Asia. Problems of morphology, phonetics and phonology*. Moscow. pp. 11—19. (In Russ).
18. Solntsev, V.M. (1977). Language as a system-structural education. Moscow: Nauka. (In Russ).
19. Solntseva, N.V. & Solntsev, V.M. (2016). *Theoretical grammar of the modern Chinese language* (Problems of morphology). Moscow: Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences, Military Institute of the Ministry of defense of the Russian Federation. (In Russ).
20. Saussure, F.de. (1977). *Works on linguistics*. Moscow: Progress. (In Russ).
21. Tan, Aoshuang. (2004). Chinese picture of the world In *Language, culture, mentality*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ).
22. Tan, Aoshuang. (2002). *Problems of hidden grammar*. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ).
23. Cheif, W. (2015). On the way to linguistics based on thinking In *Language and thought: modern cognitive linguistics*. Moscow: Languages of Slavic culture. pp. 60—88. (In Russ).
24. Chernihiv, T.V. (2013). Cheshire smile of the Schrodinger cat: language and consciousness. Moscow: Languages of Slavic culture. (In Russ).
25. Wang, Y.A. (2006). *Survey to cognitive linguistics*. Shanghai: Shanghai Foreign Language Education Press.
26. Xiao, R. & McEnery, T. (2004). *Aspect in Mandarin Chinese: A corpus-based study*. Studies in Language Companion Series. John Benjamins Publishing Company.
27. Yin Hui. (2011). The cognitive semantics of Chinese motion / directional verbs, *Working Papers of the Linguistics Circle of the University of Victoria*, 21, 118—125.

Сведения об авторах:

Демидова Татьяна Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Факультета гуманитарных и социальных наук РУДН; *научные интересы*: когнитивная лингвистика; *e-mail*: demidova_tv@pfur.ru

Соловьева Татьяна Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков Факультета гуманитарных и социальных наук РУДН; *научные интересы*: когнитивная лингвистика; *e-mail*: soloveva_tm@pfur.ru

Баров Сергей Андреевич, кандидат политических наук, доцент Департамента языковой подготовки Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; *научные интересы*: контрастивная лингвистика, лингвокультурология; *e-mail*: SABarov@fa.ru

Information about the authors:

Tatyana V. Demidova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University; *scientific interests*: cognitive linguistics; *e-mail*: demidova_tv@pfur.ru

Tatyana M. Soloveva, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University; *scientific interests*: cognitive linguistics; *e-mail*: soloveva_tm@pfur.ru

Sergey A. Barov, Candidate of Political Sciences, Associate Professor, the Department of Language Training, Financial University; *scientific interests*: contrastive linguistics, linguocultorology; *e-mail*: SABarov@fa.ru